

— Иррёниндзюцу, мадам, — ответил я вежливо, желая создать впечатление преданного, но тихого и доброго мальчика.

Её черты лица смягчились, на лице появилось сочувствие.

— Они будут на два ряда вниз и направо, — она указала налево для уточнения.

— Спасибо, — сказал я, вежливо кивнув головой и направившись к указанному разделу.

Добравшись туда, я провел пальцем по разным подписанным свиткам, найдя один из тех, что мне был нужен.

Основная анатомия тела, включая тенкетсу.

Я раскрыл его и развернул, активировав Шаринган, чтобы запомнить всё.

Слова плавали в моей голове, пока я читал и перечитывал, чтобы информация закрепилась в памяти.

Образ тела запомнился без труда. Я теперь знал, где находятся все точки тенкетсу и нервные узлы у среднего шиноби. Лишь незначительные вариации между людьми означали, что удар чакрой в нервный узел повергнет противника на землю, кем бы он ни был.

Если эти бледноглазые снобы думают, что только они могут бить по тенкетсу, пусть думают снова.

Если я смогу использовать чакровые скальпели, как Кабуто, я стану чрезвычайно опасным в тайдзюцу, еще больше благодаря Шарингану.

Шуншин в сочетании с чакровыми скальпелями и Шаринганом — это захватывающая перспектива. — Не забегай вперед, — укорял я себя, раздраженный продолжительным детским возбуждением.

Я все больше отождествлял себя с личностью Саске и его воспоминаниями, решив считать себя таковым. Я просто получил прилив воспоминаний, которые сформировали мой ум и цели... Но я все еще был восьмилетним мальчиком, который обожал крутые дзюцу и помнил, как круто и эпично выглядели Расенган и Чидори, когда я был ребенком.

Ооо, Чидори.

Сегодня я больше ничего не сделаю. Я достиг достаточно хорошего прогресса в подтверждении того, что мои глаза могут запомнить информацию так, как я хотел, что означает, что у меня будет значительно больше свободного времени для тренировки контроля чакры и расширения резервов.

Когда наступила поздняя ночь, я решил закончить, так как моя голова начала выражать недовольство из-за большого количества информации.

Я надел свои очки, проходя по хорошо освещенному коридору, поблагодарил библиотекаря и вежливо попрощался.

Я открыл дверь и вышел, готовясь к очередному дню тренировок завтра.

—//—

— Ты монстр. Нечто, — снова услышала она голоса, едва слышные шепоты, преследовавшие её, когда она пыталась вернуться домой.

Узумаки Наруко дрожала, как лист, чувствуя, что её преследуют, и ненависть постоянно заставляла её сомневаться, правы ли они.

Она хотела быть больше похожей на Саске, мальчика, которого не сломали произошедшие с ним события. Он все еще был лучшим в их классе, несмотря на то, что потерял всех, кого любил.

И Наруко хотела, чтобы её любили и уважали так же, как его.

Поэтому она решила вставать рано и больше учиться в академии, как бы скучно это ни было.

Но сейчас это казалось маловероятным.

— Почему они меня ненавидят? Я ведь ничего им не сделала.

Один из жителей недавно «случайно» пролил на неё свежий клей, и один из добрых людей, которые её защищали, тот в маске собаки, был вынужден отрезать половину её волос.

Теперь она выглядела уродливо... как мальчик.

Еще один человек столкнулся с ней, когда она пыталась протиснуться через узкий проход.

Её зад ударился о землю, и она заскулила, глядя вверх на человека, в которого случайно врезалась.

— Простите, сэр, — попыталась она сказать, но её грубо схватили за руку и больно подняли.

— Ты, маленькая сучка! — мужчина прорычал, сжимая её руку сильнее. — Думаешь, можешь так просто меня ударить?

— Простите, — она начала рыдать от страха и боли, ужасный голос мужчины заставил её дрожать. — Я не хотела.

Силовая хватка на её руке причиняла ужасную боль, но не такую сильную, как другие раны, полученные от жителей.

Её внезапно отпустили, и открытая ладонь ударила по лицу, щека загорелась от боли.

Мужчина плюнул на неё, затем снова ударил.

Наруко теперь открыто рыдала, свернувшись калачиком, молясь, чтобы кто-то её спас. Но никто не пришел.

Те, кто раньше её защищал, сейчас отсутствовали, оставив её одну.

Другие жители присоединились и затащили её в переулок, удерживая на месте, пока она кричала, чтобы они остановились, но никто не ответил. Они бросили её в почти полный мусорный контейнер, положив сверху что-то тяжелое, чтобы она не могла выбраться.

Почти задыхаясь от запаха, она продолжала стучать по крышке и кричать о помощи.

Но никто не пришел.

В конце концов она потеряла сознание от усталости и проснулась через несколько часов, лежа лицом вниз в переулке, покрытая грязью.

Наруко медленно поползла прочь, всхлипывая от унижения, которое она испытала.

Она была покрыта гнилой и старой едой, её рука все еще болела от хватки мужчины.

Огромный фиолетовый синяк на руке уменьшился за пару часов, но всё равно сильно болел. Дзидзи, вероятно, ничего с этим не сделает, как всегда. Эти маскированные люди, вероятно, подчиняются ему, но их не было, чтобы снова остановить это.

Засунув руку в карман, она поняла, что её кошелек в виде жабы, который она получила в шесть лет, исчез.

— Нет, — заплакала она, осматриваясь в поисках кошелька. — Нет.

Она вскочила и снова нырнула в мусорный контейнер, начав копать в нём.

Через минут пятнадцать она нашла свой драгоценный кошелек и крепко сжала его.

Наруко осторожно очистила его, как могла, морщась от запаха, исходящего от неё самой.

С максимальной скрытностью, на которую была способна, она вернулась в свою квартиру и прыгнула в ванну, оставив на себе одежду, чтобы вымыться.

Блондинка не знала, сколько времени прошло, но наконец закончила и сняла мокрую одежду, надевая единственный другой комплект, который у неё был.

Проверив время, когда добралась до своей крошечной кухни, Узумаки Наруко начала паниковать, осознав, как поздно уже было.

— Нет. Нет. Нет! — она побежала, пытаясь изменить свою жизнь к лучшему.

Академия была местом, где она собиралась стать самым сильным ниндзя всех времен, первой женщиной Хокаге.

И второй блондинкой на этой должности.

— Я здесь! — закричала запыхавшаяся блондинка, заставив всех нас обернуться.

— Что он вообще делает, чтобы так опаздывать? — подумал я, всё ещё не снимая солнечные очки.

—//—

Я не хотел, чтобы кто-то из подлизы, особенно Мизуки, знал, что я пробудил Шаринган. Практически все думали, что я ношу очки, чтобы создать впечатление, что я устанавливаю зрительный контакт во время разговора, избегая его на самом деле.

По крайней мере, это звучало логично для кого-то, кого пытали с помощью уга буга-глазного психоза.

— Ты снова опоздал, Узумаки, — заявил Мизуки, стараясь звучать нейтрально. — Ирука болеет, так что, как я уже сказал до твоего прихода, у нас будут спарринги по тайдзюцу.

<http://tl.rulate.ru/book/110075/4264316>